

Шасси, закрылки выпущены

Самолет взлетает против ветра. Так же и человек. Желает набрать высоту — разворачивайся против всего и всех. Против обстоятельств, против советчиков, против собственных страхов.

В конце лета, за три месяца до дембеля, я завел себе фуфайку, чисто гражданскую. Носить неуставную одежду запрещено — но не всем. За три месяца до дембеля воин Советской армии опытен и спокоен. Знает, когда и что можно, а когда нельзя.

Обновку я украсил надписью на уровне груди: «А правильно ли ты живешь?» Масляной краской через трафарет. В две строки.

Утром надевал — и бегал, три километра, по дороге от аэродрома до поворота к ближайшей деревне, потом обратно. Самовольно покидать расположение воинской части запрещено — но не мне. Я жил правильно. Тренировал себя для будущего.

Традиционные солдатские самоходы — за водкой, за девчонками — тут не практиковались. Аэродром окружали унылые деревни. Северная окраина Тверской области. Местные девушки сутулы, они пахнут навозом, имеют круглые веснушчатые лица, сонные глаза и с пятнадцати лет повязывают головные платки по-бабьи.

Самолет взлетает всегда против ветра. В зависимости от направления ветра он стартует либо с одного конца полосы, либо с другого. И там и там из надежного железобетона построены пункты управления. Внизу — электроника, сверху — зал с панорамным остеклением, где командуют полетами офицеры с большими звездами.

Заходя на посадку, истребитель-перехватчик выпускает шасси. Пилот не знает, готовы ли колеса к соприкосновению с полосой. Поэтому с земли в огромный бинокль наблюдает специальный солдатик. Его служба — вовремя увидеть самолет и отрапортовать в микрофон: «Шасси, закрылки выпущены!» Если техника подведет, солдатик закричит: «Нет шасси!» — и нажмет сигнал тревоги.

Этот солдатик — я.

Но техника не подводит. Она военная, надежная. В конце дня все перехватчики благополучно приземляются, летчики уходят ужинать в свою особую летную столовую, там им дают особый паек. Человек, защищающий небо Родины, должен быть полон сил. Офицеры-диспетчеры покидают свои кресла, садятся в зеленые вездеходы и отправляются в другую столовую, офицерскую. Кто не летает, тому паек похуже. Но тоже ничего.

Гаснет полоса. Тягачи увозят самолеты в капониры. Падает ночь, и пункт управления остается на попечении пятерых бойцов. У них отдельная комнатуха с телевизором. У них не служба, а мед. До казармы, до начальства, до командира части — два километра полем. Там дисциплина, подъем и отбой, построения, политзанятия, начищенные сапоги, застегнутые воротнички, дневальные, наряды на кухню и в штаб. Там — армия, а у нас — санаторий. Нам паек не нужен. Один из нас уже сбегал на хоздвор к земляку и принес полмешка картошки. Мы

пожрали и до глубокой ночи смотрели сверхмодную программу «Взгляд».

Иногда вместо «Взгляда» смотрим экстрасенсов, их двое, они наябивают по очереди, через день. Один молча сопит и помавает лишенными мозолей ладонями. Второй — с лицом боксера или же хоккеиста, более продвинутый — включает успокаивающую музыку и чугунным баритоном произносит фразы. Вводит аудиторию в транс. Газеты утверждают, что он лечит даже бруцеллез. Мы, пятеро, давно сошлись во мнении, что с таким подходом — медленная мелодия, зрочки исподлобья — он может уболтать любую женщину. Нам по девятнадцать, эта тема нам близка.

К концу сеанса мои сослуживцы уже спят. На меня гипноз не действует. Я залезаю на крышу, бросаю одеяло, ложусь и смотрю в небо.

Там звезды, их много.

У меня есть отец, мать и сестра. У меня есть студенческий билет Московского государственного университета. Есть жизнь, она вся впереди. Ее столько, что если я пытаюсь хотя бы примерно вообразить ее объем, ее варианты, краски, запахи, то переживаю экстатические ощущения. Голове становится холодно, потом горячо. Пальцы сами собой шевелятся, даже на ногах.

Моим пальцам свободно. Сапоги я давно не ношу, для старого воина лучшая летняя обувь — тапочки. За три месяца до дембеля пора отвыкать от портянок.

Конечно, я не желаю спать, я слишком возбужден.

Мне не терпится уйти на дембель. У меня все продумано. Точно известно, что я сделаю в первый день, во второй, в третий. Я буду жить, я все попробую, я везде побываю и всему научусь. Я напишу стихи, песни и романы, у меня будет самая красивая жена, с длинными ногами

и огромными зелеными глазами, она родит мне одиннадцать сыновей (чтоб хватило на футбольную команду). Я возьму от жизни все; оставлю немного себе, кое-что отцу, маме и сестре, а остальное раздам. Вся жизнь, какая есть во вселенной, протекает через меня, как через трубу; любая попытка поставить преграду кончится тем, что меня разорвет. Нельзя придерживать, прикарманивать, к себе подгрести, я не такой и никогда таким не стану.

Красота, любовь, счастье, наслаждение, нирвана, энергия — все это одно и то же, и всего этого слишком много.

Утром я бегу по обочине. На моей груди крупно написано: «А правильно ли ты живешь?» Читать некому, я один. Иногда меня обгоняет какой-либо дребезжащий грузовик. Это моя Родина; сколько себя помню, тут все дребезжит и еле катится, однако наши самолеты поднимаются очень высоко, и нас очень любят наши матери.

Бегу и сочиняю.

Мальчик бежит по зеленой траве.
Солнышко светит над ним в синеве.
Рядом с дорогой река и родник.
А по дороге пылит грузовик.
Мучает душу полуденный зной.
Кто я на этой картинке цветной?
То ли я мальчик, что весел и бос,
То ли я пыль из-под черных колес.

Зимой я не бегал в деревню. Побаивался. Я отсидел пять суток на губе за драку с офицером и был на плохом счету, мне угрожал переезд с аэродрома в казарму, а это сапоги, портянки, застегнутый на все пуговицы китель, это в столовую — строем, с песней, спасибо, с меня хватит, я полтора

года маршировал, мало вам, что ли? — приходилось осторожничать. Я не вылетел со своей синекуры только благодаря вмешательству друга и земляка, влиятельного сержанта Лакомкина, уроженца города Серпухова; начальство сержанта уважало, а меня недолюбливало, я считался типичным «похуистом», вечно рядовым. Так что всю зиму мне приходилось гонять в своих запрещенных уставом кедах прямо по взлетной полосе. Но зимой полосу чистят «башмаки».

Служить в «башмаках» тяжело. «Башмаки» служат так: с апреля по ноябрь беспробудно спят, в остальное время года вообще не спят, поскольку взлетная полоса круглосуточно, в любую погоду должна быть сухая и чистая. Зимой несчастные — кожа да кости, красные глаза чуть навывкате, покрытые коростой руки, безбожно грязные хэбэ — бесконечно гоняют взад и вперед свои циклопические, воняющие соляром бульдозеры и снегоуборочные агрегаты, а напоследок выкатывают знаменитый «пылесос» — сверхмощную реактивную турбину на огромном шасси. Волной горячего воздуха с бетонных плит сдуваются остатки снега. Однажды, в феврале, во время пробежки я попал под «пылесос» и едва не погиб. Обогнал медленно катящуюся махину и получил удар воздушной волной по ногам. Кубарем летел пятьдесят метров по твердому, как базальт, ледяному насту, нигде такого нет, только рядом со «взлеткой», где горячий ураган плавит сугробы в каменную черную корку.

Разбил колени, ободрал плечо и задницу. «Башмаки» в кабине «пылесоса», безусловно, сполна насладились неожиданным развлечением.

Летом мы тоже иногда их видим. Медленно, как зомби, они цепочкой шагают по бетону и отбрасывают вениками мелкие камешки. У них темные шахтерские лица. Они никогда

не заходят к нам, в наш дворец с панорамным остеклением. Боятся. Они — морлоки, согбенные подземные жители, тогда как мы — везунчики, розовощекие нажиматели кнопок.

Мой друг и земля сержант Лакомкин самый из нас розовощекий. У него молочный румянец и полные губы, всегда изогнутые в искренней ухмылке. Белое гладкое тело без признаков мускулатуры. Я не видел другого человека, которому бы так подходило отсутствие бицепсов и мягкий живот. Веселому подвижному парню зачем мышцы? У него нет врагов. Даже суровые чечены, живущие маленьким герметичным землячеством, доброжелательны к нему. Он ходит так, словно над его головой всегда парит воздушный шарик. Его шутки звонкие и точные. В армии такие люди на вес золота, поэтому мой друг — сержант и перед дембелем наверняка получит старшего сержанта. Когда совсем тяжело (например, надо вытолкать из жидкой грязи машину или разгрузить вагон угля на тридцатиградусном морозе) — балагуры необходимы, они поднимают боевой дух.

Достоинства моего друга не ограничиваются веселым нравом. Спокойный солдат, он не лезет на рожон и всегда полон достоинства. Случись большая война, он будет звенеть орденами.

Та зима, моя последняя солдатская, закончилась анекдотом. В начале марта борт привез пополнение: троих офицеров с женами. Последний месяц мы видели существ другого пола только по телевизору. Когда серая туша, гудя винтами, развернулась перед нашим дворцом, я заорал:

— Земля, иди быстрее!

— Женщины, — зачарованно сказал негрубый сержант Лакомкин, заглянув через мое плечо. — Пойдем, поможем.

— Сиди, — возразил я, циничный резонер. — У них там диван. Заставят тащить.

Из самолетного брюха действительно выгружали диван, вопиюще гражданский, ярко-желтый в крупные синие цветы.

Офицерики браво переминались. Тонкие, красивые, один в шикарных усах, другой похож на струну, шинель внакидку — что твой Наполеон; третий, попроще, с лицом практичного малороссиянина, суетился вокруг дивана, это был, конечно, его диван, приданое жены или подарок дальней родни, с таким диваном хорошо шагать во взрослую жизнь, делать детей под скрип пружин.

— Совсем молодые, — нежно констатировал сержант. — Видимо, только с училища.

Мы помолчали, проникаясь. На наших глазах три офицерские семьи начинали свой путь. Пыльные гарнизоны, степи, тайга, замороженное Забайкалье, потом, наверное, Туркмения. Юные лейтенанты были угловаты и немного отсвечивали, они напоминали куски рафинада, и их ждала та же судьба. Из сотни один доберется до полковника, из ста полковников один будет генералом с широкими красными лампасами.

Жены — будущие генеральши — были совсем девочки, наши ровесницы, едва не в бантиках. Одна долго озиралась, потом быстро пошла в сторону дворца.

— Туалет ищет, — догадался сержант и сменил позу.

— Проводи, — посоветовал я.

— Дурак, что ли. Иди сам проводи.

Засмеялись, нам стало стыдно, наш сортир типа «люфт-клозет» — заснеженная дощатая будка на самом отшибе — представлял собой нечто кошмарное. Сержант Лакомкин застонал и закрыл лицо руками.

— Только не это.

Циничный резонер, я возразил:

— Ничего. Зато сразу поймет, что почем и кто с мячом...

Обратно она шла, высоко подняв подбородок, с остановившимся взглядом, с выражением ужаса на бледном лице. Изящная, как перехватчик СУ-15. Тщательно кутаясь в свою слишком легкую для наших влажных зим дубленочку. И мы с сержантом увидели, как она, подойдя к подругам, покачала головой: мол, не ходите туда, хуже будет, лучше потерпеть.

Подошла машина. На диван никак не рассчитанная. Пока грузили чемоданы, пока ходили вокруг двуспального цветастого ложа любви, самолет запустил турбины и стал отруливать. Диван опрометчиво оставили неподалеку от хвоста.

Винты взвыли. Офицерики схватились за фуражки. «Наполеон» едва успел спасти свою с иголки шинель.

— Гляди, гляди!

— Все, — печально сказал сержант Лакомкин, обнимая меня за плечи. — Пиздец.

Он не ругался без нужды, отменно воспитан был, однако судьба дивана не расшифровывалась никаким другим словом. Борт тяжело качнул крыльями. Диван сначала медленно поехал. Турбины заревели тоном выше. Дамы, с испорченными прическами, спрятались в машине. Их мужья легли плечом на воздух. Владелец дивана стал разевать рот и делать гражданские жесты.

Когда пилот дал тягу, диван заскользил со скоростью спринтера. Потом запнулся краем о комья льда, перевернулся набок, и еще раз, и еще, — понесся, влекомый снежным вихрем, куда-то очень далеко, на резервную полосу, и там сгинул.

— Шасси, закрылки выпущены, — подытожил я унылым голосом настоящего циничного резонера.

Забыл сказать, что рядом с настоящей бетонной взлетной полосой всегда строят резервную, грунтовую, в случае нужды ее можно быстро застелить плитами и превратить в почти настоящую. В армии все продумано. Наша Родина надежно защищена.

С тех пор прошло пять месяцев. Я бегу, на моей груди написано: «А правильно ли ты живешь?» Вчера мой друг и земляка сержант Лакомкин приходил в гости. Он теперь в казарме, учит молодежь. Но меня не забывает. Вот, привез альбом Виктора Цоя «Группа крови». А также популярную новинку, «Ласковый май». Хохотал и шутил. Я вместе с ним. Мы ждали дембеля, мы были счастливы.

— Помнишь, — спросил он, — ту девчонку, офицерскую жену, которая ходила в наш сортир? Помнишь ее лицо?

— И что она? Дала тебе в каптерке? Перекрасилась в брюнетку?

— Пока не дала. Но я ее каждый день вижу. У нее все время такое лицо.

— Тут армия, — сказал я. — И не простая, а Советская. Наши солдаты самые смелые. Наши самолеты самые быстрые. Наши офицеры самые пьяные. Наши сортиры самые вонючие.

Разделись до трусов, загорали. Потом приняли душ. Я сам изготовил летнюю душевую кабину и даже получил благодарность от командира части. Кабина состояла из обтянутого парашютным шелком деревянного каркаса и бочки. Бочку мы украли в соседнем батальоне. Каждую неделю я окашивал штык-ножом траву вокруг моей конструкции.

Я бегу и считаю в уме. Выходит, что мне остается служить не более ста дней. Если верить телевизору, то на гражданке сейчас творится черт знает что. Но так даже интереснее.

Когда вокруг творится черт знает что — это и есть настоящая жизнь.

Вернусь домой. Заживу правильной жизнью. Буду быстр и крепок. Постоянно в тонусе. Буду упруг, как шарик литой резины. Одет просто и хорошо. Всесторонне развит. Очень спокоен. Иногда, наоборот, чрезвычайно возбужден. Моя работа — о, с ней все просто. Не знаю никого, кто бы работал лучше, чем я. Журналистика — только начало. Через три года я опубликую первые рассказы, а через семь лет напишу роман. Может быть, возглавлю передовой журнал. Может быть, возглавлю еще какое-то ультрасовременное начинание. Может быть, не возглавлю. Стать главным — это не главное.

Неоднократно за свои полновесные двадцать лет я спрашивал себя, что для меня главное, и в конце концов вывел точную формулу. Главное — найти свой путь и зайти настолько далеко, насколько хватит сил. Дальше, еще дальше. Совсем далеко.

Я бегу. Потом, от избытка энергии, прибавляю, несусь изо всех сил, и вот мне начинает казаться, что я лечу.

Проходит ровно семь лет, и я опять лечу изо всех сил. Только теперь не бегу, а еду. В Серпухов к старому армейскому другу, старшему сержанту запаса. Мы не виделись семь лет, и теперь настало время. Мне нужны надежные люди. Мой земляк Лакомкин — надежный человек, и ему будет предложена высокооплачиваемая непыльная работа.

Трасса в Серпухов строилась к Олимпиаде, она прямая и удобная, идет в обход населенных пунктов. Светофоров нет. Есть стационарные посты автоинспекции, но они давно превращены в магазинчики — окна заставлены батареями бутылок. Я пытаюсь закурить, рискую приоткрыть

окно, но на скорости двести двадцать этого делать нельзя. Воздух со свистом врывается в щель, и по салону начинают летать документы, минуту назад спокойно лежавшие на заднем сиденье. Сигарета убирается обратно в пачку.

Я давным-давно работаю только с документами. Никакого товара, никаких складов, никакого экспорта и импорта, только бумаги. Ценные. Миллионный бизнес умещается в тоненьком портфельчике.

Машин мало, они все тихоходы, я втрое быстрее, мне уступают левую полосу. Потом меня нагоняет такой же, как я, полубезумный современный дикарь, и машина его даже лучше моей. Какое-то время идем колонной. Проскакиваем засаду, целых трое инспекторов, едва не подпрыгивая, машут нам своими забавными жезлами, но быстро понимают, что мы не собираемся тормозить, и отбегают назад. Даже если бы я захотел остановиться, с двухсот до нуля, без риска для жизни — мне понадобилось бы пятьсот метров пути. А потом что — задом ехать?

Серпухов кажется мне уютным и плохо освещенным. Не Москва, но тоже Родина. Очень тихо; когда я нахожу улицу, иду к дому, в ушах свистит. За нужной мне дверью звуки веселья. Мне сразу открывают, как будто ждали. Внутри душно. Сам того не желая, я попал точно на день рождения собственного армейского друга. Добрый знак.

У меня нервная и опасная работа, и я очень суеверен.

Земля изумлен. Его челюсть отвисает. За семь лет он почти не изменился. Ну да, с ним произошло то, что по-русски называется «размордел», — но в остальном он тот же широко улыбающийся сержант с хитрым, немного масляным взглядом.

Вокруг него ярко накрашенные девушки и пузатые мужики в рубахах навыпуск. В стаканах мутное вино. Разрушенный

торт. Я знакомлюсь со всеми и тут же выбрасываю из головы имена, мое время дорого, я приехал по делу; через десять минут я уединяюсь с сержантом в дальней комнате и делаю предложение. Речь идет о том, что сержант должен немедленно выехать в Москву, снять хорошую квартиру, а затем делать в точности то, что я ему говорю. К черту Серпухов, на кону миллиарды. Родина зовет обогащаться. Нужны пять добровольцев, с паспортами, каждый станет фиктивным директором фирмы; я плачу большие деньги и даю гарантии безопасности.

Все выглядит очень красиво. Я упиваюсь своей миссией. Козырный чувак примчался к армейскому другу, чтобы выдернуть его из полужидкого провинциального дерьма. От моего предложения невозможно отказаться. Я упал прямо с неба, я намерен перевернуть всю жизнь старого товарища.

Когда-то со мной сделали то же самое.

Он почти не думает. Изумлен и даже шокирован. Выкуривает половину сигареты и говорит:

— В жопу все. Я согласен.

От него пахнет, как от мальчишки. Свежий пот, немного водки и много дрянного табака.

Не сходя с места, я выдаю подъемные. Три тысячи долларов, или пять, или сколько там. Выпиваю рюмку, обнимаю друга и лечу назад. Другу дано трое суток на то, чтобы свернуть дела. Какие у него могут быть тут дела, презрительно думаю я. Он что-то говорил про продуктовую палатку. Бог мой, на дворе девяносто шестой год, люди делают состояния легким движением мизинца, какая палатка. Разумеется, я все сделал правильно. Сержант вольется в большую затею, он всю жизнь будет мне предан. С таким человеком я взлечу. Высоко, как перехватчик СУ-15.

Я звоню ему каждый день. Мое время дорого, я быстр и крепок. Постоянно в тонусе. Упруг, как шарик литой резины. Одет просто и хорошо. Всесторонне развит. Непрерывно возбужден. Моя работа — о, с ней все просто. Не знаю никого, кто бы работал лучше, чем я. Правда, рассказы и романы не написаны, я решил написать их как-нибудь потом.

Во вторник земля докладывает, что почти готов. Я высылаю водителя — забрать паспорта добровольцев.

В среду он клянется, что придет утром четверга.

В четверг, в восемь утра, меня арестовали. В моем кармане лежали паспорта людей из Серпухова. В половине девятого везли на допрос, а мой телефон трезвонил каждые пять минут. Это армейский друг, земля, сержант Лакомкин, приехав на Павелецкий вокзал, искал меня, чтоб я повел его в новую жизнь.

Потом я сел. Шасси, закрылки выпущены. Я больше никогда не видел своего друга.

Из разговоров со следователем — а они продолжались почти два года — выяснилось, что владельцам паспортов здорово потрепали нервы.

Отсидев свое, я твердо решил разыскать сержанта. Выслушать все, что он обо мне думает. Получить в рыло. Как-то компенсировать ущерб. Когда я представлял себе ситуацию его глазами, мне становилось дурно. Прилетает из Москвы некто лощеный, трясет деньгами, зовет за собой — а потом появляются менты, вяжут всех и бьют.

Мы ушли на дембель двадцать лет назад. Последний раз мы виделись тринадцать лет назад. Я освободился из тюрьмы десять лет назад.

Я все собирался поехать к нему, повиниться, подставить щеку для удара, но за десять лет так и не собрался. Я и не заметил, как пролетели эти десять лет.

Надеюсь, он жив. Надеюсь, он счастлив.

Иногда — редко, один раз в два года — я тоже бываю счастлив, резким, плотным счастьем, но все равно не таким, как в восемьдесят девятом, за три месяца до дембеля, когда бежал сквозь влажное утро, имея на груди надпись: «А правильно ли ты живешь?»

Носки

Мы — трое — пили всю ночь.

Один из нас, по слухам, недавно убил человека и теперь излучал трагическую ауру. Второй жил карточной игрой и аферами, он был тих, немногословен и вел себя как маленький, знающий все на свете. Такой многоопытный скромник есть в любой компании — как правило, он на два или три года старше остальных, и часто его речи снисходительны.

Третий участник застолья считался наивным новичком, так было всем удобнее, в том числе и ему самому. По большей части он молчал и слушал.

Так пьют за липким столом портового притона три пирата, едва сошедшие со своей неказистой, но быстроходной посуды; добыча на сей раз невелика, но ее хватило на несколько бутылок вина и несколько ломтей хлеба; поддергивают засаленные манжеты, скалят желтые зубы, раскуривают трубки черного табака и смотрят друг на друга взглядами приязненными, но и настороженными.

Ну, я не курил. Считал себя спортсменом. И не налегал на спиртное. Молчал и слушал.

— Да, ты много не пей, — усмехались двое других. — Тебе утром ехать.

В ответ я кивал и смотрел в окно на дома напротив.

Число этажей не поддавалось счету. Город был огромен, он возбуждал меня. Размах — вот ради чего я сюда переехал.

Над столом повисали фразы, почти всегда небрежно-многозначительные. Говорили о том, кто кому должен. Кто отдает и кто не отдает. Кто хочет отдавать, но не может, а кто чересчур много о себе возомнил и не желает отдавать, хотя вполне способен. Иногда я не все понимал. Многие важные слова, существительные и глаголы, маскировались жаргоном или жестами. Уловив два или три раза одну и ту же непонятную формулу, я по контексту угадывал значение, незаметно радовался и вслушивался дальше.

К полуночи я четко понимал, что такое «вилы», «швырялово» и «клюшка с брюликами».

В половине первого мне стало стыдно: как я дожил до своих двадцати лет, ничего не зная про «швырялово»? Это же так просто.

Я вырос в маленьком городе. Там жили без размаха. Тоже пили ночами напролет — но говорили главным образом о том, кто с кем переспал. Громко бранились, били стаканы. Часто пьянки заканчивались драками. Оказавшись меж новых друзей, я увидел разницу. Новые друзья из большого города разговаривали очень тихо. Чтобы никто не подслушал. Пили много, но редко, никогда не опускаясь до дурного куража.

— Ты много не пей. Коньяк не трогай. Хлебни вина — и ложись спать. В семь утра поедешь.

Из нас троих я один имел водительские права, и назавтра предполагался дальний перегон машины.

Опрокинув по третьей, они научили меня:

— Ты пьяный. Поймают — отберут права. Поэтому через город не езжай. Езжай вокруг. Так длиннее, но проще. Там три поста будут. На выезде, на Кольцевой дороге и на въезде. Не гони. Темных очков не надевай. Побрейся. Метров за двести перед постом притормози, дождись грузовика побольше — в его тени проскочишь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru